

**Мотив родины в поэзии В.В. Набокова и М.Ю. Лермонтова
как семантический вектор их внутреннего пути**
Миронова Ксения Вадимовна

студентка

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: kvmir@mail.ru

Для многих русских писателей тема родины была одной из важнейших, смыслообразующих в их творчестве. Но далеко не у всех она оказывалась сопряженной с глубинной проблемой личностного самоопределения. Если понимать слово «родина» в широком смысле – как род, «родность», родственность, стремление к растворению в родном, единству с ним в отличие от отдельности, отчужденности, отколотости, одиночества, изгнанничества, – то Лермонтов и Набоков были теми художниками, для кого образ и чувство родины, отношения с ней находились на главной линии их внутреннего пути. Но если Лермонтов шел к родине от состояния одинокого странничества, то развитие Набокова привело, напротив, к необходимости эмансипации от нее, он должен был оттолкнуться от родного, чтобы найти себя как вполне отдельного и одинокого строителя творческого космоса.

Для Набокова родиной было его детство во всем единстве его связей, образов, она представляла собой цельный мир, в котором он был неотделим от пространства, времени и счастливой судьбы. Набоков с рождения ощущал себя любимым, «трудным, своенравным, до прекрасной крайности избалованным ребенком» [Набоков: 179], окруженным семьей, родом, родиной; полноценно проживая радостное беззаботное детство, он ожидал обеспеченное всем этим будущее. Лермонтов же, рано лишенный материнской и отцовской любви, по духу изначальный и при этом «неведомый изгнанник», имевший себя и свою отдельность как главное владение, должен был искать свои корни, завоевывать то, что другому счастливцу давалось даром. Один терял родину, чтобы найти себя, а другой должен был потерять «себя» как «гонимого миром странника», чтобы найти как сына. Родина была отправным пунктом для одного и целью для другого.

В итоговом стихотворении Лермонтова «Родина» поэт показал свой собственный путь: от холодной отдельности, крепкой брони – к обретению тепла, родственности, единства, цельности. Он отмечает официальное отношение к родине с его величественными формулировками, созданными умом, а не сердцем («слава, купленная кровью»; «полный гордого доверия покой»; «темной старины заветные преданья»), и обращается к непосредственной, животрепещущей, непарадной реальности. Поэт чувствует потребность в теплой конкретности («дымок спаленной жнивьи», огоньки, «чета белеющих берез», «пляска с топаньем и свистом»), в безусловной любви, которая, хотя и видит «печальность» деревень или пьяных мужичков, но не гнушается этими образами, а принимает родное в любом виде, как дитя принимает мать или как мать – дитя.

Поэтические произведения Набокова не имеют той блестящей брони тщательной проработки, которая отличает его прозу, здесь он более беззащитен и сердечен, и особенно в отношениях с родиной; связанные с нею стихи почти всегда строятся как родственное собеседничество, зов или мольба. Набоков шел от «детской» искренности лирической поэзии к защищенной (при внутренней сентиментальной отзывчивости), «взрослой», холодноватой выстроенности прозы, от рода, родины – к своей единственности, уникальности и отдельности. Заряд, полученный писателем от России при отъезде, послужил таким мощным «начальным толчком», что всю свою дальнейшую эмигрантскую жизнь писатель называет «последующей инерцией» [Три интервью: 235]. На родине Набоков бессознательно занимался закладыванием основ, накоплением, и у него не было необходимости тратить, т.к. все давалось ему с избытком. Оставшись в России, он мог бы естественным образом сделать родину незаметной почвой своих походов к *другим берегам*, но, став изгнанником, он обнаружил питающую и вместе с тем остро ранящую связь с ней как жизненной основой и необходимостью. Россия, с которой писатель в изгнании может общаться только через сны и воспоминанья, то есть

сознательно не контролируемую реальность, не только не отмирает, но претендует иногда на то, чтобы вытеснить настоящее и зачастую оказывается правдоподобнее, осязательнее окружающего пространства. С течением времени Набоков все больше хочет освободиться от безраздельной власти родины, завоевать независимость и покой:

Отвяжись, я тебя умоляю!

Вечер страшен, гул жизни затих.

Я беспомощен. Я умираю

от слепых наплываний твоих. ("К России", 1939)

Родина, выступающая как "лирическая величина", по выражению Блока, в таком своем качестве не только питает и внутренне ведет, но и высасывает силы у настоящего. В этом смысле она противостоит живой конкретной жизни, ее "слепая" требовательность размягчает сердце, которое хочет закалить себя для борьбы. В американский и швейцарский периоды творчества писателя он уже не идет на поводу "слепых наплываний", которые были как природа: давали и отнимали; здесь он уже распорядитель, он уже встал на путь сознательного самоустройства, на путь "культуры".

У Набокова его жизненная чаша была полна Россией, оставалось наполнить ею творческую чашу, чему и способствовало изгнание; и он занялся своим прошлым, чтобы полноту той жизни перевести в полноту образов, уравнять свою русскую жизнь и эмигрантское творчество. И сон, и воспоминание, и осмысляющее их воспроизведение с его новыми деталями были лишь продолжением и претворением той наполненности, воспоминанием об абсолюте владения; от абсолюта невозможно идти дальше – можно некоторое время держаться на его уровне, потом же все равно идти назад, поскольку некуда совершенствовать совершенное. И эта полнота, воплощаемая постепенно в произведениях, уже начинала препятствовать пути, который всегда требует поиска, жажды и нехватки. Если Лермонтов шел от полноты своего печоринского одиночества к «странной» любви и приятию родины, природы, другого человека, то Набоков, наоборот, должен был от детского своего домашнего единства идти к индивидуальной страннической отъединенности, и герои его прозы становятся такими «странными», гениально–отдельными; и себя он сознательно вел в этом направлении.

Таким образом, двое писателей, разделенных во времени, но перекликающихся в духовном поле, кто выстраивал себя вдоль силовой линии, определяемой родиной, воплотили два разнонаправленных по отношению к этому ценностному ориентиру архетипа творческого движения – центростремительный и центробежный.

Литература

Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990.

Три интервью с В. Набоковым // Иностран. лит. 1995. № 11.